vedenij U. Folknera i Dzh. Apdajka): dis. … kand. kul'turologii. Saransk, 2005.

10. Pudovochkina N.E. Neomifologizm v hudozhestvennoj kul'ture SShA XX v. (na materiale proizvedenij U. Folknera i Dzh. Apdajka): avtoref. … kand. kul'turologii. Saransk, 2005.

Features of fiction work discourse: author's linguistic paradigm

The article deals with the features of the author's linguistic personality in the fiction discourse. An attempt is made to highlight the author's linguistic paradigm in the discourse of an American writer John Updike. Based on the methods of linguostatistics, it presents the analysis of the lexical structure of the text allowing to reveal some features of the linguistic competence of the author.

Key words: *discourse, fiction discourse, linguistic personality, linguistic paradigm, linguostatistical method, lexical structure of the text, idiostyle.*

(Статья поступила в редакцию 16.05.2018)

М.Ф. ШАЦКАЯ
(Волгоград)

МАРКЕРЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ МОДУСА В КОМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (на материале русской и украинской прозы)

Проводятся наблюдения над трансформациями, происходящими в социальных категориях модуса в условиях комического контекста. Определяются основные маркеры таких преобразований, которые находятся в различных структурных частях этикетного дискурса, а также называются причины этих процессов и ведущие коммуникативно-релевантные признаки адресата, которые обыгрываются.

Ключевые слова: *модус, комическое, речевой этикет, социальные категории, трансформация.*

В теории семантического синтаксиса, как известно, в предложении различают две зоны смысла: объективную (д и к т у м), отражающую действительность, и субъективную (м о д у с), свидетельствующую об отношении мыслящего субъекта к этой действительности (наиболее четко данную мысль выразил швейцарский ученый Ш. Балли [1]). В центре внимания нашего исследования – модус, который включает в себя весь спектр субъективных смыслов как высказывания-предложения, так и высказывания-текста [7] (при этом *модус* мы будем отличать от *модальности*, обозначающей более узкий спектр грамматикализованных прагматических смыслов вопросительности, желательности, условности и т. п.). Особое внимание хочется обратить на разграничение субъективности коммуникативного аспекта и модуса, проведенное Т.В. Шмелевой [25]. По мнению лингвиста, в модусе проявляется субъективность «в интересах говорящего» (отношения и оценки автора, его «система ценностей» и т. п.), в коммуникативном аспекте проявляется субъективность «в интересах слушающего» (создавая предложение, говорящий использует его коммуникативное устройство для руководства коммуникативным поведением собеседника с целью достижения определенного успеха в коммуникации).

Идеи Ш. Балли получили развитие как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. Среди представителей последней следует назвать В.Г. Гака, который впервые поставил вопрос о том, чтобы определить круг категорий модуса [3], и Т.В. Шмелеву [25], предложившую дифференцировать модусные категории по следующим параметрам: соотнесенность сообщаемого 1) с условиями и условностями общения (метакатегории), 2) с действительностью (квалификативные категории), 3) с информацией и самими событиями, которые надо так или иначе оценить (актуализационные категории), 4) с отношениями между автором и другими участниками общения (социальные категории) [9; 14 и др.]. Остановимся на последнем виде модусных смыслов.

Социальные категории модуса факультативны, но, несмотря на это, адресатно-ориентированные высказывания почти неизбежно включают социальный аспект, в котором учитывается степень официальности или фамильярности, уважительности или пренебрежения, деликатности или безоглядной категоричности и др. Т.В. Шмелева полагает, что такой смысл, как 'категоричность', различается на приказ и просьбу, принуждение и уговоры, предписание и советы; еще один смысл – 'авторская осторожность' – может выражаться через номинативные извинения, что свидетельствует об уважительном отношении автора к читателю и включает механизм антици-

© Шацкая М.Ф., 2018

пации, предопределяющий максимальную согласованность с возможными речевыми привычками, эстетическими и языковыми ассоциациями адресата [25].

Спецификой социальных категорий также является то, что они практически не грамматикализованы (исключением являются императивы, учитывающие социальные отношения при оформлении предиката), а маркированы определенными номинациями при назывании участников общения (*ТЫ* или *ВЫ*, *Иван*, *Ваня* или *Иван Владимирович*, *Я* или *ваш покорный слуга*), выбором определенной лексики, дериватов и синтаксических построений высказываний (*Оторвите билетик; Чайку не хотите ли?* – форма деминутива создает режим доброжелательности и повышенного внимания к собеседнику; употребление вводных конструкций *Пожалуй…, Мне кажется…* способствует смягчению категоричности). В зависимости от отношения к собеседнику различаются ситуации 1) равенства, 2) «сверху вниз», 3) «снизу вверх». К проявлениям социальных категорий относятся всевозможные оговорки, пометы, используемые для введения необычных выражений. Таким образом, «социальные аспекты модуса – это такие аспекты, которые выражают отношения, определяемые постоянными или социальными ситуативными признаками языковых личностей, участвующих в процессе речевого взаимодействия» [5, с. 9].

Одним из маркеров тех или иных видов социальных отношений можно назвать единицы речевого этикета (ЕРЭ)* («ситуативно обусловленные, коммуникативно-направленные, тематически сопряженные, взаимосвязанные и взаимозависимые в рамках диалогических единств устойчивые формулы общения» [19, с. 80]), которые отражают не только иерархические отношения (студент – студент; студент – преподаватель; начальник – подчиненный; супруг – супруг; родитель – ребенок), но и базовые характеристики каждого социального статуса (см. работы украинских лингвистов о взаимосвязи социальных модусных смыслов с речевым этикетом: [20; 21 и др.]).

Различают специализированные и неспециализированные средства речевого этикета [4]. К первым относят формулы речевого этикета и обращения, ко вторым – специфику выбора и организации содержания речи, этикетное применение грамматических форм [4], модальные формы со сниженной категоричностью, косвенные речевые акты, косвенное обозначение определенных предметов и тем разговора [8], уменьшительность в наименовании предмета [23]. В нашей работе мы будем обращать внимание и на специализированные, и на неспециализировавные средства, выполняющие основные функции, свойственные речевому этикету, – контактоустанавливающую, регулирующую, эмоционально-модальную и функцию ориентации на адресата [24]**. Известно, что многие специализированные единицы речевого этикета различаются по их устойчивой прикрепленности к тем или иным социальным группам носителей языка.

Н.Г. Тырникова презентует этикетную структуру устного дискурса как триаду, в которую входят этикетная рамка, этикетный каркас и этикетные вкрапления. Этикетная рамка дискурса, основными элементами которой являются обращения, приветствия и прощания, организует общение и регулирует отношения между коммуникантами. Этикетный каркас дискурса выполняет функцию создания и поддержания комфортности общения и включает языковые единицы, традиционно не относящиеся к специализированным этикетным средствам, но выполняющие присущую этикетным средствам функцию поддержания контакта. К этикетным вкраплениям автор относит просьбы, извинения, благодарности [22, с. 11].

Речевой этикет (см. об этом понятии [24, с. 4]), как известно, связан с такой категорией, как вежливость [6; 11 и др.]. По мнению Дж. Лича [27, с. 23–27], мера необходимой вежливости находится в прямой зависимости от следующих прагматических перемен-

* Единицы речевого этикета получили различные наименования в лингвистике, среди них – *нечленимые предложения* (Грамматика-80), *релятивы* (Г.В. Валимова), *коммуникативы* (В.Ф. Киприянов), *слова-предложения* (Грамматика-52, 70, 80; В.В. Бабайцева), *предложенческие коммуникаты* (О.Б. Сиротинина), *междометные фразеологизмы* или *междометные предложения* (Н.Ю. Шведова), *стандартные,* или *стереотипные, высказывания* (Н.В. Черемисина), *шаблонные фразы* (Л.П. Якубинский), *предложения-формулы* (О. Есперсен), *устойчивые формулы общения* (Н.И. Формановская), *непредложенческие высказывания, некодифицируемые высказывания, грамматически не оформленные высказывания* (Г.В. Дагуров), *квазипредложения* (Грамматика-80), *фразоиды* (Л. Теньер), *сентенсоиды* (И.И. Прибыток), *стационарные предложения* (А.М. Пешковский), *стационарные высказывания* (Л.Б. Матевосян), *метакоммуникативные сигналы слушающего* (Т.Д. Чхетиани), *коммуникемы* (В.Ю. Меликян) и др. В нашем исследовании мы будем пользоваться также терминами *коммуникема* и *устойчивые формулы общения*, поскольку они наиболее полно, на наш взгляд, отражают функционал данных единиц.

** Существует несколько классификаций ЕРЭ, базовой из которых является типология Н.И. Формановской [24], а одна из последних дана в кандидатской диссертации С.С. Мусаелян [13] (в ней учитываются отличия ЕРЭ в плане иллокутивной силы и иллокутивной цели).

ных: власть адресата над говорящим, социальная дистанция между участниками коммуникации, количество усилий, затраченных адресатом на этот речевой акт. Таким образом, этикетные знаки имеют в своем семантическом содержании гонорифический компонент, т. е. сему вежливости, почтительности.

Обычно в коммуникации достаточно ясно считываются те или иные социальные статусы собеседников. Однако не так редки случаи, в которых можно заметить синкретизм и некоторую неясность смыслов, эксплицируемых особыми языковыми средствами или имплицируемых в специфичном контекстуальном окружении. Как писал Л.В. Щерба, в языке «ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то не-ясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, т. к. здесь… мы присутствуем при эволюции языка» [26, с. 35]. Вместилищем таких промежуточных ситуаций может служить комический контекст, в котором действие юмора, иронии, сарказма основывается на эффекте неожиданности, смене масок, оценок, воззрений и т. п. Одним из средств формирования комического контекста является языковая игра – «нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / речевой, в том числе стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и / или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе комического характера» [17, с. 86]). Рассмотрим, какие трансформации происходят в комическом контексте с социальными модусными смыслами, избрав для анализа художественные произведения современных русских и украинских авторов.

Этикетная структура дискурса в комическом контексте подвергается различным трансформациям, чаще всего происходит семантическая редукция. Как пишет У. Вайнрайх [2], «в различных церемониальных функциях... язык может быть сильно десемантизирован», т. е. специализированный функционал этикетных единиц «вытесняет» имеющуюся в них исходную информативность, но в то же время на них накладываются различные прагматические оттенки, находящие то или иное отражение в контекстуальном окружении или в содержании текста в целом.

А.Я. Скшидло полагает, что частичная десемантизация формул речевого этикета обнаруживается при обращении к словарным дефинициям. Так, толкование русских императивов в этикетных функциях не вполне соответствует лексикографической подаче других словоформ глагола. Во-первых, эти толкования более лаконичны и семантически свернуты, а во-вторых – в стереотипах частично угасает или становится имплицитным реальное семантически дифференцированное содержание исходных глаголов. Ср. редуцированную семантику этикетных формул типа *Позвольте! Разрешите!* и сложную семантическую информацию, которую передают многозначные глаголы *позволить, разрешить*. Форма *извините*, которая используется не только для собственно извинения, но также как выражение протеста или несогласия, «оторвалась» от семантики исходного глагола [18, с. 57–58]. В.В. Лунева считает, что «редуцированность» семантики этикетных формул восполняется тонкой прагматической (экспрессивно-стилистической) градацией [10].

В комических контекстах десемантизации подвергается текст тостов, которые выполняют при этом функцию поддержания контакта, т. е. находятся в этикетном каркасе дискурса:

– Да, конечно… Накладные расходы предусмотрены. Но у меня просьба… Вы за меня… Я не умею, понимаете…

– В лапу, что ли, давать не умеешь? – ухмыльнулся Гоша превосходительно.

– Да.

– Как же ты тогда торговать собираешься?

– Не знаю.

– *Давайте выпьем за амбивалентность!* – предложил Рыцарь Джедай.

(Ю. Поляков. Замыслил я побег)

– Надо выпить, – вставил Рымарь, – *за мирное урегулирование Суэцкого кризиса! За присоединение Эльзаса к Лотарингии!*

(С. Довлатов. Чемодан. Креповые финские носки)

Буквализация коммуникем приводит к двусмысленности, когда наряду с десемантизацией ЕРЭ происходит иронизация над исходным значением фразы. Так, требование быть всегда воспитанным независимо от социального статуса в некоторых жизненных ситуациях порой не соблюдается:

Я сел у двери. Через минуту появился официант с громадными войлочными бакенбардами.

– *Что вам угодно?*

– *Мне угодно,* – говорю, – *чтобы все были доброжелательны, скромны и любезны.*

Официант, пресыщенный разнообразием жизни, молчал.

– *Мне угодно сто граммов водки, пиво и два бутерброда.*

(С. Довлатов. Зона. Записки надзирателя)

Как видим, в контексте наблюдается смещение в структуре этикетного дискурса: из этикетного каркаса смысловое ядро временно перемещается в зону этикетного вкрапления.

Образ интеллигентной женщины, презентуемый в реплике-сообщении, сменяется на образ смерти, аннулируя исходный смысл ЕРЭ. Так происходит абсолютная семантическая редукция под влиянием прагматического фактора:

– Вас ожидает дама.

Быстро спросил:

– Не с косой?

– Привезла вам какую-то редкость. Я думаю – книгу. Сказала – инкунабула.

(С. Довлатов. Жизнь коротка)

В ответных репликах на вопросы, отражающие пропозиции анкетной характеризации, созданию языковой игры способствует семантическая избыточность:

– *Родители ваши кто?*

– Так ведь *люди,* – ответил он, не понимая сути вопроса.

– Я понимаю, что не коровы. *Чем занимаются?*

– *В гробе лежат.*

– То есть умерли?

Чонкин посмотрел на лейтенанта удивленно: что он, лук ел или так одурел?

– Неужто живые? – сказал он и сделал гримасу, выражающую крайнюю степень недоумения.

(В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина)

Социальное лидерство лейтенанта практически аннулируется через его коммуникативную дестабилизацию.

«Семантическое опустошение» в комическом контексте может обнаруживаться через содержательный контраст, основанный на нарушении логического закона противоречия (два несовместимых суждения не могут быть одновременно истинными; по крайней мере одно из них необходимо ложно):

– Четыре года тебя не видел, – обрадовался дядя Арменак, – прямо соскучился!

– Одиннадцать лет тебя не видел, – подхватил дядя Ашот, – ужасно соскучился!

– *Первый раз тебя вижу,* – шагнул ко мне дядя Хорен, – *безумно соскучился.*

(С. Довлатов. Когда-то мы жили в горах)

Один смысл может подменяться другим под влиянием прагматической составляющей отображаемой ситуации в случае равенства социальных статусов коммуникантов, и происходит процесс, обратный десемантизации (комизм при этом зарождается в этикетных вкраплениях):

– Мы почему за водкой разговариваем? – душа отмякает. Теряешь с возрастом нежность, так сказать, чувств. Предлагаешь: *«Выпьем!»* – а на деле это: *«Давай поговорим…»*

(М. Веллер. Разбиватель сердец)

Подмена смыслов наблюдается и в случае использования определенных ЕРЭ, относящихся к зоне этикетной рамки, но далее смещающихся в зону этикетного вкрапления:

Вечірка, як і будь-які зустрічі однокласників чи однокурсників, перетворилася на змагання статусами. За примовляннями *«як-я-рада-вас-усіх-бачити»* ховалося *«подивіться-яка-в-мене-шуба»*

(Вечеринка, как и любые встречи одноклассников или однокурсников, превратилась в соревнование статусами. За приговорками «как-я-рада-вас-всех-видеть» пряталось «посмотрите-какая-у-меня-шуба») (здесь и далее перевод наш. – *М.Ш.*).

(О. Михед. Астра)

Как пишет В.И. Карасик, «можно нарушить этикет, соблюдая моральные нормы (помахать рукой в ответ на воинское отдание чести, если оба участника общения – военнослужащие), можно нарушить нормы морали, соблюдая этикет (холодно кивнуть в ответ на сердечное приветствие), можно одновременно нарушить и нормы морали, и нормы этикета, намеренно не ответив на приветствие знакомого человека. Культурному человеку последнее дается нелегко» [8, с. 98]. В комическом контексте также наблюдаются подобного рода ситуации: поздравление бабушки превращается в издевку в связи с неэтичным выбором песни:

– Внук Ираклий *поздравляет* с днем рождения *бабушку Натэллу*. В ее честь исполняется лирическая песня…

Он выждал паузу и торжествующе договорил:

– Лирическая песня: «*Ты еще жива, моя старушка!..»*

(С. Довлатов. На улице и дома).

Известно, что «социальный компонент значения входит в прагматикон – сумму идеологических, исторических, статусных, этических и других коннотаций в семантике слова» [15, с. 491]. В обращении могут понижаться социальные статусы коммуникантов за счет иронизации на политическую тему (*трубадуры режима* – прославляющие советскую власть):

Обстановка в комнате литсотрудников – мрачная…

– Салют, – говорю, – что приуныли, *трубадуры режима?!*

(С. Довлатов. Зимняя шапка)

В обращении *девки* в сознании разных людей имеются две оценки – нейтральная и негативная, что приводит в разговоре к коммуникативной неудаче и созданию комизма:

Странная субстанция – слова. Слово «девки» в Сибири считалось вполне приличным, а когда я, приехав в Москву, шутливо обратился так к неким юным лицам женского пола, они страшно оскорбились: «Мы не девки, мы – *честные*»

(Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»)

Известно, что формулы извинения иногда используются в ситуации, когда в доме присутствует посторонний человек [16]. Но в приведенном ниже контексте коммуникема *извините* имеет прямое значение – Даша извиняется за невоспитанность гостьи:

В прихожей Даша шепнула:

– *Извините,* у нас медсестра.

Я сначала не понял. Я думал, кому-то из родителей плохо. Мне даже показалось, что нужно уходить.

Нам пояснили:

– Гена Лаврентьев привел медсестру. Это ужас. Девица в советской цигейковой шубе. Четвертый раз спрашивает, будут ли танцы. Только что выпила целую бутылку холодного пива… Ради бога, не сердитесь…

– Ничего, – говорю, – мы привыкшие…

Я тогда работал в заводской многотиражке. Моя жена была дамским парикмахером. Едва ли что-то могло нас шокировать

(С. Довлатов. Куртка Фернана Леже)

Отмеченная выше ЕРЭ *извините* может быть использована и для создания сарказма в фигуре контраста, что способствует ее семантической редукции:

– Українська мафія?!

– Та їмще до мафії вбивати і вбивати, вибачте…

– Ні, ну вони ж діють злагоджено? Значить мафія! – перезиралися Франк із Х'ялмаром

(–Украинская мафия?!

– И им еще до мафии убивать и убивать, извините...

– Нет, ну они же действуют слаженно? Значит, мафия! – переглядывались Франк с Хьялмаром).

(І. Карпа. Фройд би плакав)

Часто в комическом тексте происходит игра на неопределенности (обычно это наблюдается в пропозициях анкетной характеризации):

Посмотрев на дубинку, парень ухмыльнулся и сказал:

– Ну, как хотите. Пишите: *фамилия, имя, отчество.*

И, сделав таким образом шаг навстречу следствию, немедленно *оказался сыном мэра*

(М. Веллер. Разбиватель сердец)

В результате, когда «маска сбрасывается», социальный статус коммуниканта повышается.

Социальная дистанция, которая существует между собеседниками, может также обыгрываться и в другой ситуации. Излишнее усердие офицера в поисках шпиона сталкивается с деревенской ограниченностью героини, что ведет к непониманию коммуникантами друг друга и становится базой для создания иронии в этикетном каркасе дискурса, основанного на неполной омонимии (словоформы *Курта* и *кур-то* произносятся одинаково – [ку̀ртъ]). При этом социальный статус третьего лица (шпиона Курта) комично обыгрывается, что маркирует коммуникативную неудачу (не совсем понятно, о человеке идет речь или о птицах):

– …А между прочим, Курта, случайно, не знаете, а?

– Кур-то? – удивилась Нюра.

– Ну да, Курта.

– Да кто ж кур-то не знает? – Нюра пожала плечами. – Да как же это можно в деревне без кур-то?

– Нельзя? – быстро переспросил Лужин. – Да. Конечно. В деревне без Курта. Никак. Нельзя. Невозможно. – Он придвинул к себе настольный календарь и взял ручку. – Как фамилия?

– Беляшова, – сообщила Нюра охотно.

– Беля… Нет. Не это. Мне нужна фамилия не ваша, а Курта. Что? – насупился Лужин. – И это не хотите сказать?

Нюра посмотрела на Лужина, не понимая. Губы ее дрожали, на глазах опять появились слезы.

– Не понимаю, – сказала она медленно. – Какие же у кур фамилии?

(В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина)

Контраст может возникать путем столкновения некоторых ЕРЭ с тем комментарием, который нейтрализует в коммуникемах даже сему 'вежливость':

– Присаживайтесь, добрый день, – казенно-приветливо бросил я, не отрываясь от художественного выпиливания по тексту

(М. Веллер. Долина идолов)

При этом контекстуальное окружение не только десемантизирует устойчивые формулы общения, но и ставит под сомнение верифицируемость сказанного героем:

– Я люблю тебя, – сказал Курица и задумался. Не соврал ли?

(А. Снегирев. Чувство вины)

Маркеры трансформаций социальных категорий модуса в комическом контексте

Этикетный дискурс		
Этикетная рамка	**Этикетный каркас**	**Этикетные вкрапления**
– *десемантизация* ЕРЭ; – *столкновение смыслов;* – *двусмысленность*	– *десемантизация* ЕРЭ; – семантическая избыточность; – буквализация ЕРЭ; – *двусмысленность;* – игра на неопределенности; – игра на омонимах	– семантизация; – *столкновение смыслов;* – перекодировка ЕРЭ под влиянием прагматических факторов

Подобная ситуация создается в результате инверсии:

І тоді Надя каже: *забирайтеся звідси,* гості дорогі, а гості вже й *не протиі* Надю *побити*

(И тогда Надя говорит: убирайтесь отсюда, гости дорогие, а гости уже и не против и Надю побить)

(І. Карпа. Фройд би плакав)

Вежливое обращение *гості дорогі* конфликтует с предложенным людям действием – *забирайтеся звідси*.

Как отметила А.М. Плотникова, «выбор социального статуса лица не всегда мотивирован значением высказывания и часто преследует особые прагматические функции» [15, с. 491]. Так, противоречие между социальным статусом и коммуникативной компетентностью дают возможность судить об определенном уровне культуры личности в целом (в частности он занижается):

«До чего же умный человек! – мысленно восхитился председатель. – И с этой стороны к нему подойдешь, и с другой, а *он все равно ответит так, что ничего не поймешь. Небось высшее образование имеет…*»

(В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина)

Традиционная формула-отказ *Я на службе!* вступает в противоречие с дальнейшим высказанным соглашением на предложенное действие. Это приводит к тому, что сам человек неправомерно, но вполне самостоятельно меняет свой социальный статус с официального на неофициальный:

Короче, я пошел за водкой. А потом ходил один из работяг. И мы все говорили о жизни. А потом явился конвоир, и его тоже угостили водкой. Он сначала руками замахал:

– Я на службе!

А затем говорит:

– Мне – полную

(С. Довлатов. Старый петух, запеченный в глине)

В результате проведенного анализа социальных категорий модуса мы выявили, что комизм может быть сосредоточен в любом структурном компоненте этикетного дискурса – этикетной рамке, этикетном каркасе или этикетном вкраплении, однако наибольшее количество трансформационных маркеров встречается в этикетном каркасе. Отмечены случаи, когда для создания эффекта неожиданности происходит временное смещение смысловой зоны в этикетном дискурсе из этикетного каркаса или этикетной рамки в зону этикетного вкрапления. В качестве своеобразных маркеров, свидетельствующих о трансформациях социальных модусных смыслов в структуре этикетного дискурса, могут служить следующие лексико-семантические показатели (см. таблицу выше; одинаковые маркеры выделены курсивом).

Для создания комизма в русской прозе присутствуют все указанные выше виды трансформационнных маркеров социальных категорий модуса. Смещение в структуре этикетного дискурса наблюдается, когда из этикетного каркаса смысловое ядро временно перемещается в зону этикетного вкрапления при буквализации ЕРЭ. В произведениях современной украинской литературы обыгрывание социальных категорий модуса происходит реже, чем в русской, и создается при помощи инверсии, прагматической перекодировки ЕРЭ и частичной семантической редукции. В структуре этикетного дискурса наблюдается смещение зоны этикетной рамки в зону этикетного вкрапления в результате подмены смыслов.

Трансформации социальных модусных смыслов основаны на следующих коммуникативно-релевантных признаках адресата: учет социального и статусного различия, социальная принадлежность, уровень образованности адресата, степень знакомства, социальная или персональная дистанция, тип отношений (официальные / неофициальные), а также социокультурные факторы. Игра на таких характеристиках, как возраст, пол, степень родства и др., в комическом дискурсе нами отмечены не были.

Исследование показало, что чаще всего идет понижение социального статуса индивида через умаление его коммуникативной компетенции. При этом происходит иронизация

коммуникативного потенциала либо адресата, либо адресанта. Встречаются отдельные случаи замены социального ранга на другой (официальный / неофициальный) или его повышение в результате игры на неопределенности, недосказанности (степень знакомства).

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955.
2. Вайнрайх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. Вып. V. С. 166–214.
3. Гак В.Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: Изд-во Калин. ун-та, 1978. С. 19–26.
4. Гольдин В.Е. Речь и этикет. М.: ДеКА, 2001.
5. Горобец О.С. Социальные аспекты модуса в современном русском языке (на основе речевого взаимодействия «старших» и «младших» в пьесах А.Н. Островского): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2009.
6. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1994. С. 131–137.
7. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998.
8. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.
9. Копытов О.Н. Текстообразующие возможности модусных смыслов на фоне сферных различий (на материале современной прозы): дис. … д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2014.
10. Лунева В.В. Прагматическое содержание речевого этикета: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2011.
11. Мельничук О.М. Український мовленнєвий етикет: синтаксично-стилістичний аспект: автореф. дис. … канд. філол. наук. Чернівці, 2005.
12. Михайлова Л.В. Класифікація мовленнєвих актів: різноманітність підходів // Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія»: зб. наук. праць. 2014. Т. 20. С. 394–406.
13. Мусаелян С.С. Этикетные коммуникемы русского языка: системный и функциональный аспекты): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2008.
14. Ніка О.І. Теорія модусу в сучасній лінгвістиці // Українська мова. 2011. № 2. С. 19–29.
15. Плотникова А.М. Способы выражения социального статуса лица в русском языке (семантико-прагматический аспект) // Русская грамматика 4.0: сб. тез. Междунар. науч. симпозиума (г. Москва, 13–15 апр. 2016 г.). М.: Изд-во Гос. Ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2016. С. 489–492.
16. Ратмайр Р. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Яз. слав. культуры, 2003.
17. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Филол. науки. 2004. № 2. С. 79–87.
18. Скшидло А.Я. Виды синонимов в сфере речевого этикета // Филол. науки. 1987. № 5. С. 57–63.
19. Соколова Н.Л. Английский речевой этикет: моногр. М.: Изд-во УДН, 1991.
20. Телеки М.М. Соціальні категорії модусу в сучасній українській мові: автореф. дис. … канд. філол. наук. Київ, 2006.
21. Телеки М.М., Шинкарук В.Д. Соціальні категорії модусу в текстах епістолярного жанру: моногр. Київ: Вид-во МДГУ ім. П. Могили, 2007.
22. Тырникова Н.Г. Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2003.
23. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачесова И.А. Речь человека в общении. М.: Наука, 1989.
24. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспект. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1987.
25. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М.: Наука, 1984. С. 78–100.
26. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. Т. 1.
27. Leech G.N. Language and Tact. Trier, 1977 (Linguistic Agency University of Trier. Series A. Paper No 46).

* * *

1. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka. M.: Izd-vo inostr. lit., 1955.
2. Vajnrajh U.O semanticheskoj strukture jazyka // Novoe v lingvistike. Jazykovye universalii. M.: Progress, 1970. Vyp. V. S. 166–214.
3. Gak V.G. O kategorijah modusa predlozhenija // Predlozhenie i tekst v semanticheskom aspekte. Kalinin: Izd-vo Kalin. un-ta, 1978. S. 19–26.
4. Gol'din V.E. Rech' i jetiket. M.: DeKA, 2001.
5. Gorobec O.S. Social'nye aspekty modusa v sovremennom russkom jazyke (na osnove rechevogo vzaimodejstvija «starshih» i «mladshih» v p'esah A.N. Ostrovskogo): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Stavropol', 2009.
6. Zemskaja E.A. Kategorija vezhlivosti v kontekste rechevyh dejstvij // Logicheskij analiz jazyka. Jazyk rechevyh dejstvij / pod red. N.D. Arutjunovoj. M.: Nauka, 1994. S. 131–137.
7. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka. M.: Izd-vo MGU, 1998.

8. Karasik V.I. Jazyk social'nogo statusa. M.: Gnozis, 2002.

9. Kopytov O.N. Tekstoobrazujushhie vozmozhnosti modusnyh smyslov na fone sfernyh razlichij (na materiale sovremennoj prozy): dis. … d-ra filol. nauk. Velikij Novgorod, 2014.

10. Luneva V.V. Pragmaticheskoe soderzhanie rechevogo jetiketa: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Rostov n/D., 2011.

11. Mel'nichuk O.M. Ukraïns'kij movlennєvij etiket: sintaksichno-stilistichnij aspekt: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Chernivci, 2005.

12. Mihajlova L.V. Klasifikacija movlennєvih aktiv: riznomanitnist' pidhodiv // Vcheni zapiski Harkivs'kogo gumanitarnogo universitetu «Narodna ukraïns'ka akademija»: zb. nauk. prac'. 2014. T. 20. S. 394–406.

13. Musaeljan S.S. Jetiketnye kommunikemy russkogo jazyka: sistemnyj i funkcional'nyj aspekty): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Rostov n/D., 2008.

14. Nika O.I. Teorija modusu v suchasnij lingvistici // Ukraïns'ka mova. 2011. № 2. S. 19–29.

15. Plotnikova A.M. Sposoby vyrazhenija social'nogo statusa lica v russkom jazyke (semantiko-pragmaticheskij aspekt) // Russkaja grammatika 4.0: sb. tez. Mezhdunar. nauch. simpoziuma (g. Moskva, 13–15 apr. 2016 g.). M.: Izd-vo Gos. In-ta rus. jaz. im. A.S. Pushkina, 2016. S. 489–492.

16. Ratmajr R. Pragmatika izvinenija. Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo jazyka i russkoj kul'tury. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2003.

17. Skovorodnikov A.P. O ponjatii i termine «jazykovaja igra» // Filol. nauki. 2004. № 2. S. 79–87.

18. Skshidlo A.Ja. Vidy sinonimov v sfere rechevogo jetiketa // Filol. nauki. 1987. № 5. S. 57–63.

19. Sokolova N.L. Anglijskij rechevoj jetiket: monogr. M.: Izd-vo UDN, 1991.

20. Teleki M.M. Social'ni kategorії modusu v suchasnij ukraïns'kij movi: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Kiïv, 2006.

21. Teleki M.M., Shinkaruk V.D. Social'ni kategorії modusu v tekstah epistoljarnogo zhanru: monogr. Kiïv: Vid vo MDGU im. P. Mogili, 2007.

22. Tyrnikova N.G. Obshhee i specificheski nacional'noe v rechevom jetikete (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Saratov, 2003.

23. Ushakova T.N., Pavlova N.D., Zachesova I.A. Rech' cheloveka v obshhenii. M.: Nauka, 1989.

24. Formanovskaja N.I. Russkij rechevoj jetiket: lingvisticheskij i metodicheskij aspekt. 2-e pererab. i dop. M.: Rus. jaz., 1987.

25. Shmeleva T.V. Smyslovaja organizacija predlozhenija i problema modal'nosti // Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa. M.: Nauka, 1984. S. 78–100.

26. Shherba L.V. Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike. L.: Izd-vo LGU, 1958. T. 1.

Markers of transformation of social categories of modus in the comic context (based on the Russian and Ukrainian prose)

The article presents the observations of the transformations taking place in the social categories of modus in the comic context. It determines the main markers of such transformations, which can be found in various structural parts of the etiquette discourse, as well as the reasons for these processes and the leading communicatively relevant features of the addressee, which are under consideration.

Key words: *modus, comic, speech etiquette, social categories, transformation.*

(Статья поступила в редакцию 15.05.2018)

А.С. СЕГЕДА
(Волгоград)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ДИСКУССИЯХ (на материале русской и английской художественной литературы)

Определяются коммуникативные стратегии и способы достижения их эффективности в межличностных дискуссиях. Выделяются четыре базовые коммуникативные стратегии, соотносящиеся с классическими видами спора по цели: спор ради проверки истины, спор ради убеждения, спор ради победы, спор ради спора. Выявляются и анализируются коммуникативные стратегии в бытовых межличностных дискуссиях, отраженных в произведениях русских и английских авторов: М.Ю. Лермонтова, О. Уайльда, Д. Остин, О. Хаксли, Ф.К. Сологуба, А.П. Чехова.

Ключевые слова: *дискуссия, межличностная коммуникация, коммуникативная стратегия, виды спора, эффективные приемы, эффективная аргументация.*

Современные исследователи, работающие в рамках коммуникативно-прагматической лингвистики, отмечают, что речевое поведение участников дискуссии регулируется ком-

© Сегеда А.С., 2018